

Журнал "Смена"

№ 14, 1963

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 14, 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-56418-2

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев

ISBN 978-5-458-56418-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

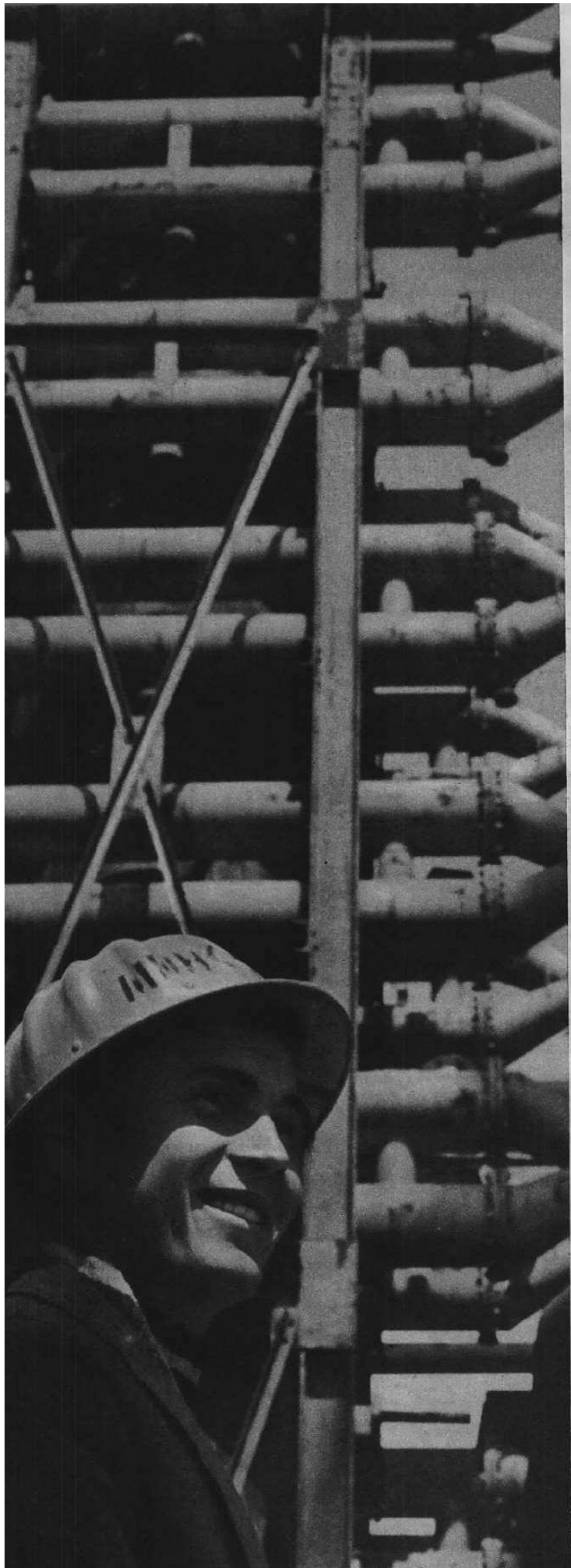
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

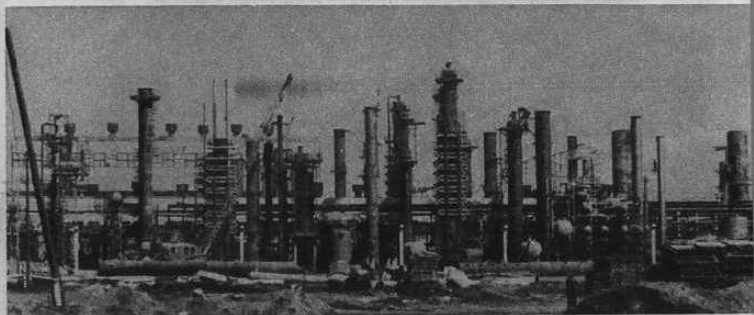
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОМСОМОЛЬСКАЯ Х И М И Я

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Новомосковск — это ветры. Было время, когда, кроме ветров со всех четырех сторон света, никто не гулял по этой земле. Летом, как смерчи, подымались в воздух столбы пыли, зимой свирепствовали снежные ураганы. Но вот немногим более тридцати лет назад сюда пришли комсомольцы. Пришли, чтобы «строить химию».

Вместе с ними приехал и молодой еще тогда драматург Николай Погодин. Позже он вспоминал:

«Мы услышали прежде всего смех и слезы, соединенные в одну музыку звонких голосов, но выделялся голос чистый, еще по-детски неустоявшийся: — К черту! Не хочу! Сегодня же уеду!»

...Щупленькая на вид, хорошенькая и трогательная своим упрямым лицом девочка-подросток сидела на постели и пролиwała слезы. Вот уже какой раз у нее примерзают волосы к подушке!..

— Жди, когда это будет — и город и квартира!.. Жди сто лет!»

Девушка твердо решила покинуть негостеприимные места.

Прошло время, и Погодин вновь приехал на стройку. Ни города, ни благоустроенных квартир здесь еще не было.

«Каково же было мое изумление, — писал Погодин, — когда на встрече с орденосносцами я вдруг узнал ту самую девушку, которая омрачила когда-то наше знакомство с обитательницами женского барака! Она носила на груди орден Ленина».

Погодин спросил, почему же она все-таки не уехала из Новомосковска. И ему рассказали, что девушку долго тогда угаривали. Ничего не действовало. Но неожиданно кто-то сказал:

— Хороший же ты подаешь пример!.. Довод оказался настолько сильным, что девушка осталась.

«Тут и сказало, — писал драматург, — новое, глубокое, ответственное чувство коллектива. Беспокойство за судьбу стройки (действительно, а если все так расхнычутся?) оказалось сильнее всех новомосковских вьюг и буранов».

Очерк, который мы процитировали, Погодин назвал «Мы». Он был опубликован в журнале «Смена» в 1947 году.

И вот мы в Новомосковске 1963 года. Теперь Новомосковский химвкомбинат — одно из самых мощных предприятий «большой химии», гордость страны. Двенадцать километров отделяют комбинат от южной, жилой части города. Автобус, петляя в зеленых аллеях, вырывается на прямое шоссе — и перед нами конту-

ры индустриального пейзажа. Заводы, заводы... Они, как горная цепь, то подымающаяся, то опадающая. Ее вершины — цехи, или башни, или банки сушильных установок. Есть здесь и свои вулканы — вечно дымящиеся гиганты — газгольдеры. В недрах каждой из этих «гор» бесценные сокровища: минеральные удобрения для полей, чудесные гербициды, сырье для получения пластмасс и лавсана.

Комбинат расширяется, возводятся новые цехи. Это тоже комсомольская стройка. И на многих «вершинах» мы видим красные флажки: это значит, что высота уже взята!

В комитете ВЛКСМ химвкомбината мы разговаривали с Борисом Чистяковым, секретарем комсомольской организации хлорного завода, одной из лучших на комбинате.

Борис рассказывает о разном, о большом и не очень большом, вспоминает...

Однажды его ребята зашли в лесостарный цех. В цехе — хаос. Деревянные ящики громоздились до самого потолка, и от малейшего прикосновения грозили обрушиться на головы рабочих. На полу — грязь. Начальник цеха жалется: не хватает рабочих рук... А в управлении комсомольцам сказали, что из-за беспорядка цех придется мучить ли не остановить.

— Постой, постой, Борис, при чем тут ящики? Вы же хлорный завод. Разве хлоп в деревянной таре доставляют?

— А разве я говорю, что это на цех? Это на другом заводе. Просто наших ребят это воскресенье было свободным. Ну и решили. Пришли в тарные убрали...

Но тара — это еще что! Каждый новый объект или установку по заведенному порядку принимает солидная комиссия. Главный в ней, конечно, начальник цеха, ему работать. Но порой за один-два обхода всего не проверишь. И вот ребята с хлорного сами еще до сдачи объекта проверяют каждый монтажный узел, ждутую технологическую схему.

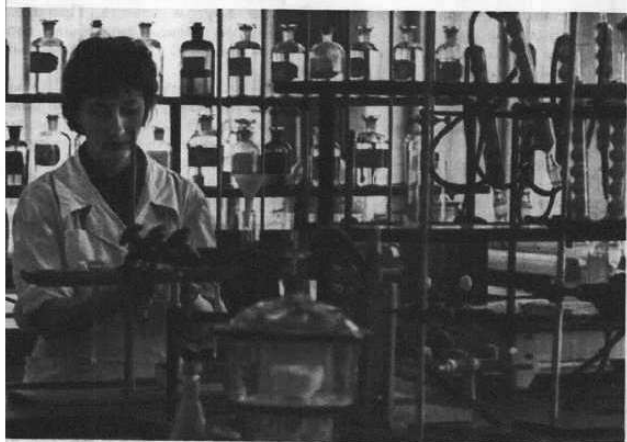
— Что же все-таки главное в вашей работе?

Борис морщит лоб, стараясь сформулировать это «главное». И неожиданно слышу знакомые слова:

— У нас каждый комсомолец — с хлора он, или с ацетилена, или с ДМТ — берется за работу всего комбината.

Я не уверен, читал ли Борис очерк Николая Погодина: шестнадцать лет назад он был еще дошкольником. Но совсем случайно он произнес эти слова.

Один из строителей «большой химии», мастер по монтажу цеха ацетилена, комсомолец Валерий Луговой.

А это «малая химия». Лаборантка аналитической лаборатории Надя Сидельникова проверяет ДМТ — сырье для лавсана.

Борьба за большой урожай кукурузы начинается здесь, в цехе симазина. В этих целлофановых мешках — готовая продукция, гербицид, чудесный помощник кукурузоводов.

Комсомольцы — монтажник Геннадий Аникин и инженер Виктор Петровский — чувствуют себя «на высоте» так же спокойно, как в проектно-кабинете.

них — характер, боевая программа комсомолки Новомосковска, заложенные в легендарные годы пятилеток. И этот характер сказывается во всем: и в том, что ребята, не дожидаясь конца административной переплести, направили своего представителя в Запорожье и добились срочной отгрузки необходимых конструкций; и в том, что на химкомбинате установлен комсомольский заслон проектным ошибкам: прежде чем чертеж попадает на стройку, его изучают до мельчайших деталей комсомольцы-специалисты...

Итак, комсомольская химия... Комсомольская в самом широком смысле, потому что комсомол не только строит ее. Мы в удивительном цехе. Четыре этажа хитроумных переплетений труб, четыре этажа неумолчного гула автоматов. Цех называется ДМТ — по названию продукции. Расшифровка длинная: диметилтерефталат. Впрочем, так длинно здесь говорят в очень редких случаях. ДМТ — сырье для лавсана. Пятисот

граммов вот таких белых тонких чешуек, напоминающих яичную скорлупу, достаточно для мужского костюма. И все производство этих километров чудесной ткани, весь ритм жизни цеха подчиняются одному голосу. Всюду здесь нас настигал этот решительный, не допускающий возражений голос, усиленный десятками репродукторов:

— Расфасовка, сколько мешков осталось, ответьте, расфасовка?

— Перекрываю подачу оксидата, внимание, перекрываю подачу!

Нам объясняют: это с пульта управления.

Мы ожидали увидеть на пульте седовласого, многоопытного инженера (шутка ли, четыре этажа автоматик!), а увидели... Зину Мурзину. Невысокого роста, худенькая девушка работает на заводе не так уж давно, а ей уже доверили управление такой сложной технологией! Значит, заслужила доверие!

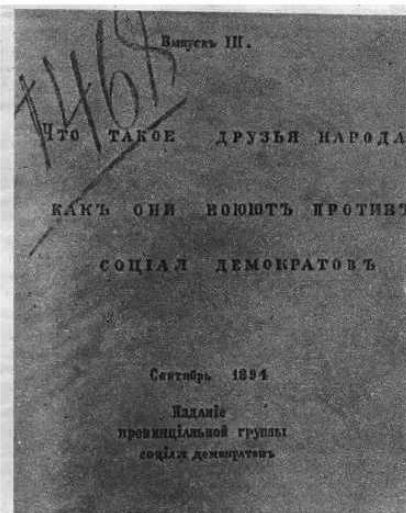
С этим «заслужил доверие» мы всюду сталкиваемся на химкомбинате, потому что это выражение применимо здесь ко всему комсомолу. В Новомосковске комсомолу верят, ему поручают самое важное, самое трудное. Поэтому и бытует здесь это выражение — комсомольская химия.

И. ВЛАДИМИРОВ

↑ Громадные резервуары, невообразимое переплетение труб, энтузиазм строителей — все это и есть «большая химия». Монтируется цех хлора.

↓ На субботник!

В.И. ЛЕНИН, ГОД ИЗДАНИЯ 1894...

Когда я впервые увидел этот дом, он не произвел на меня особенного впечатления: просто старый-престарый дом. Но потом до меня дошли отрывочные сведения, что здесь, в деревне Горки Переславские, в усадьбе Ганшиных, в 1894 году печаталась первая часть книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Но так ли это? Где найти подтверждение?

И я снова еду в Горки. В деревне я провел несколько дней, но жители ее, даже самые старые, не могли сказать ничего определенного о том, что происходило в усадьбе более шестидесяти лет назад.

Но мысль об усадьбе Ганшиных не давала мне покоя. В сборнике «На заре рабочего движения в Москве» Анна Ильинична Ульянова, сестра В. И. Ленина, вспоминает события 1894 года:

«Первым работавшим эту и следующую зиму был кружок Мицкевича. После ареста этого кружка в декабре 1894 года другая его часть (братья Масленниковы, Кирпичников, Ганшин и др.) продолжала работу. Они были связаны с Питером и издавали как исходящие оттуда сочинения, так и другие, и, кроме того, местные злободневные листки».

Мицкевич — это первый директор нашего музея, и я не мог не знать о его революционной деятельности. Конечно, если бы можно было спросить Сергея Ивановича, все было бы проще. Но — увы! — ветерана революционного движения нет в живых. Пришлось обратиться к его воспоминаниям «На грани двух эпох». Здесь я быстро нашел то, что искал. Сергей Иванович писал:

«Чтобы размножить это произведение (Ленин. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»), я обратился к своим знакомым — братьям А. Н. и В. Н. Масленниковым, студентам Московского Высшего технического училища, и их двоюродному брату А. А. Ганшину, студенту Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну, а Ганшина знал

и Ильич по петербургским организациям. Я от них слышал прежде, что они налаживают работу на литографском камне. Они с радостью согласились на воспроизведение этого сочинения».

Но где все-таки печаталась эта замечательная работа?

Как-то, думая о Ганшиных, я взял обычную московскую телефонную книгу, надеясь найти кого-нибудь из этой семьи. Звоню одному Ганшину, извиняюсь, объясняю, что мне нужно, потом — другому, третьему. Наконец, когда начал уже терять надежду, слышу в телефонной трубке:

— Я один из тех Ганшиных. Так сказать, последний из могикан.

Быстро записываю адрес и тут же отправляюсь в такси на другой конец города. Меня встречает Иван Александрович Ганшин, небольшого роста старик с добрыми глазами, младший брат Алексея Александровича Ганшина, о котором писал Мицкевич.

— Да, я знаю о первом издании ленинского труда.

Мой собеседник прищурил глаза и долго молчал, видимо, вспоминая прошлое.

— Никогда мне не забыть того времени. — заговорил Иван Александрович. — Им, моим старшим товарищам, было всего по двадцать с лишним лет, но они думали только об одном — об освобождении народа от царской тирании. Они работали в социал-демократическом кружке, печатали листовки, пропагандировали марксизм среди рабочих. И мы, гимназисты, тоже стремились к тому же. Это объединяло нас со взрослыми студентами-марксистами.

И Иван Александрович рассказал историю, услышать которую я мечтал уже не один месяц.

Это было летом 1894 года. Гимназист И. А. Ганшин проводил свои каникулы в Горках, в усадьбе родителей. В августе приехал туда Алексей и двоюродные братья Александр и Владимир Масленниковы. Алексей принес с собой какой-то завернутый в ткань вал, Александр Масленников с трудом держал в руках небольшую, но, видно, тяжелую коробку. Вскоре при-

ехал в Горки Ванев, тоже студент. Друзья часто уединялись, были чем-то озабочены.

Как-то до слуха Ивана Александровича доносились непривычные звуки. Они шли из комнаты Алексея. Приблизился к двери, приоткрыл и увидел вихрестые головы Масленниковых, склонившихся над столом. Алексей сидел за пишущей машинкой. Дверь скрипнула. Алексей вскочил со стула, точно ужаленный, вытянулся у стола Масленниковы, Ванев. Так гимназист И. А. Ганшин стал участником издания ленинской книги.

Иван Александрович прерывает рассказ, поднимается из-за стола и идет к книжному шкафу.

— У меня хранится письмо Анны Ильиничны об этом деле. Хотите взглянуть?

Разворачиваю вчетверо сложенную бумажку. Записка Анны Ильиничны, написанная на служебном бланке, удостоверяет, что И. А. Ганшин действительно участвовал в нелегальном издании книги В. И. Ленина.

— До того мне не приходилось иметь дело с печатанием, — говорит Иван Александрович. — Это исключительно трудоемкая работа.

Да, нелегко было молодым подпольщикам. Текст рукописи сначала печатался на машинке, затем его размножали на литографском камне. Приходилось делать множество отпечатков для того, чтобы получить четкий текст. Иногда на две-три страницы книги уходил целый день, а то и больше. Подпольщики работали в комнате Алексея много месяцев.

Старшие читали книгу В. И. Ленина и часто говорили между собой о борьбе с народничеством. Иван Александрович прислушивался к их разговорам, сначала многого не понимал и решил поэтому внимательно изучать ленинский труд.

— Однажды, оброшпоровав книгу, — продолжил Иван Александрович, — я спрятал ее под рубашку и вышел на улицу. То, что удалось понять из разговоров студентов, не удовлетворяло меня: хотелось самому разобраться.

Отправился в лес. Полетав немного между толстыми соснами, выбрался на освещенную солнцем полянку. Опустился на мягкий мох и начал читать.

— Я долго не мог прийти в себя от прочитанного, — вспоминает Иван Александрович. — Казалось, расступились вдруг темный лес и открылась дорога — прямая, ясная. Будто звала она идти по ней, никуда не сворачивая. И тогда, семнадцатилетним юношей, я дал клятву идти за Лениным, за человеком, книгу которого прижимал к груди. Кстати, вскоре мне выпало счастье говорить с ним.

— Вы говорили с Владимиром Ильичем? Где же? — вырвалось у меня.

— У нас, в Горках, тем же летом 1894 года.

О пребывании В. И. Ленина в Горках Переславских имелись очень отрывочные и неточные сведения. Никто не мог с уверенностью сказать, был ли он там и, если был, то сколько дней провел у Ганшиных. И вот, оказывается, был Владимир Ильич в Горках Переславских.

— В конце августа 1894 года я и брат Алексей, строго соблюдая конспирацию, отправи-

Здесь, в доме Ганшиных, была напечатана на гектографе работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

лись на станцию Рязанцево. Поезд из Москвы приходил ночью. Брат предупредил меня, что наш гость сойдет с поезда на сторону, противоположную перрону. Поэтому лошадь, запряженную в таранта, я подал к огромному штабелю дров, сложенному за путями. Ждать пришлось недолго. Близко, подходит брат, а с ним и гость. Протянул мне руку, назвался Ульяновым. Гости поселились в так называемом охотничьем домике.

Владимир Ильич пробыл у нас четыре или пять дней. Он много гулял, ходил на охоту. Особенно любил Владимир Ильич сидеть на лавочке, с которой открывался очаровательный вид на мельницу. Уехал он в последних числах августа. Я не знаю, о чем говорил Владимир Ильич с Алексеем, но думаю, что приезд к нам Ленина был связан с изданием его книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Иван Александрович показывает на небольшую акварель, висящую на стене.

— Вот эта мельница, на которую любил смотреть Владимир Ильич.

Заросший пруд, огромное мельничное колесо, рядом густой лес, справа уходящее вдаль поле — и все это озарено лучами заходящего солнца.

Иван Александрович продолжает рассказ:

— К осени книга Владимира Ильича Ленина была напечатана. Мы переправляли тираж в Москву. Однажды по пути с вокзала в усадьбу неожиданно обернулся и встретился глазами с незнакомым человеком. Хотя я и был новичком в конспирации, но почувствовал: за усадьбой следят.

— Вы не ошиблись, действительно за усадьбой следили, — сказал я.

— А вы откуда знаете? — удивился Иван Александрович.

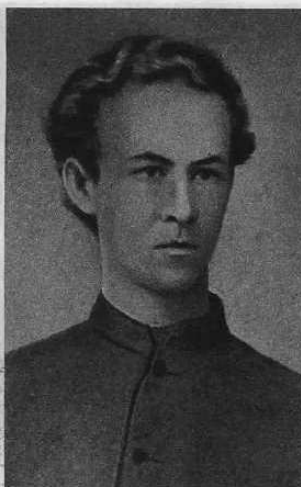
Я вынул из портфеля фотокопию справки, присланной мне Центральным государственным историческим архивом СССР. В ней приводился доклад царского министра юстиции Муравьева министру внутренних дел:

«Негласным наблюдением установлено, что в г. Москве организовался тайный революционный кружок «Социал-демократ», который своей конечной целью поставил ниспровержение установленного в России порядка управления. Главные руководители кружка: Мартин Мандельштам (Лядов), С. И. Мицкевич, А. Н. Винокуров, А. Н. Масленников, В. Н. Масленников, И. Д. Дурново, А. В. Кирпичников, Ф. И. Поляков».

Иван Александрович взволнованно ходил по комнате.

— Не знали мы тогда об этом, не знали. Тем не менее тираж книги удалось вывезти на нелегальную московскую квартиру. Теперь я вижу, что мы это сделали под носом у сыщиков.

...Из документов царской охранки видно, что за студентами следили. Но почему их не сразу арестовали? Ответ может быть только один: жандармы хотели, чтобы подпольщики раскры-

Братья Масленниковы — Александр, Владимир и Юрий.

ли свои явочные квартиры, связи. И уже позже схватили их — сначала А. А. Ганшина, потом братьев Масленниковых.

— Если это дело вас так интересует, — посоветовал Иван Александрович, — нужно встретиться с Анной Николаевной Лебедевой Масленниковой, сестрой братьев Масленниковых. Если сейчас пойти, думаю, застанем ее дома.

...В дверях небольшой комнаты нас встретила седая женщина. Рассказывала она не торопясь, обстоятельно, вспоминая детали, подробности.

Ее братьев, Александра и Владимира, после ареста поместили в Таганскую тюрьму, в одиночные камеры. Несколько месяцев спустя семье разрешили увидеться с ними. Свидания происходили в особых камерах, в которых арестованные отделялись от посетителей двумя решетками; сетки были так часты, что через них нельзя было даже различить лицо человека.

— К нам после ареста Александра и Владимира часто заходили Анна Ильинична Ульянова-Елизарова и Мария Ильинична Ульянова — сестры Владимира Ильича — и его мать Мария Александровна, — продолжала свой рассказ Анна Николаевна. — Раз как-то Владимир писал из тюрьмы, что очень жаль дядюшку, он заболел. Я спросила Юрия, кто этот дядюшка. Он объяснил, что Владимира Ильича арестовали. Братья также называли в письмах тетюшкой сестру его, Анну Ильиничну.

Вскоре арестовали и Юрия. Теперь все три студента Масленниковы были за тюремными стенами.

По приговору царского суда Александр и

Владимир подлежали ссылке в Архангельск на три года. Алексей Ганшин должен был провести три года в Вятской губернии. Юру выслали из Москвы без права жить в промышленных городах.

При отправке арестованных из Москвы им были устроены на вокзале проводы, собрались родные, знакомые. Анна Ильинична Ульянова тоже пришла проститься с осужденными. Пожав руку Александру Масленникову, она передала ему портрет М. Горького, любимого писателя революционной молодежи...

Недавно я снова побывал в Горках Переславских. Теперь бывшая усадьба Ганшиных уже не казалась мне обычной. Я знал «биографию» каждого строения, каждой тропинки. Вот пруд, которым любовался Владимир Ильич. Здесь находился охотничий домик, где он жил. На этом вот месте была комната Алеши Ганшина, в которой печатался ленинский труд.

...Звучит «Интернационал», и сотни людей, собравшихся на митинг, видят, как медленно обнажается мемориальная доска с надписью: «Здесь, в деревне Горках, в 1894 г., в усадьбе Ганшиных печаталась первая часть книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

В 1894 году сюда приезжал создатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин».

И. ЛУПАЛО,
старший научный сотрудник
Музея Революции СССР

* * *

Я в болотных ночах
задышался от дыма,
На снегу
под осенними звездами мерз.
Только Партии дело,
только Ленина имя
Я сквозь бури,
и беды,
и ночи пронес.

Стекла слезли глаза,
и душа цепенела,
И мозоли зняли,
на морозе звеня.
Только Ленина имя,
только Партии дело
Поднимали тогда
на работу меня.

Я не ведаю клятв,
я не знаю обетов.
Мне никто
никогда
не вручал партбилет,
Но без Партии нашей,
как без правды и света,
Ни творца,
ни певца,
ни строителя нет!

Новые стихи

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

* * *

Я иду болотами,
осокой,
По седым полям,
по ковылю.
Эту землю,
дышащую соком,
С детства я без памяти люблю.
Я иду сосновыми лесами,
По лугам иду,
через сады,
Яблони отрывают сами
Красными планетами плоды.

Прохожу под ветками крушины,
Песней благодарности томим.
Ты, моя земля, несокрушима,
Страхам неподвластна никаким!

И тебе ни голой,
ни сожженной,
И бездомной
больше не бывать!

Как же на земле преобразенной
Голову до неба не поднять!

Как же не любить ее, скажите?
Я не желторотый коростель,
Славящий чужое общежитие,
Модниц и шикарную постель.

Я полвека жил землепроходцем
И свои поля, свою тайгу,
Родники свои,
свои колодцы.

Не предам заморскому врагу!

Строчки не продам своей намынос,
Собственное горе хороня,
В бедах я любовь носил и вынес,
Как детей
выносят
из огня!

Недавно мир был снова восхищен известием из Москвы: на космической орбите вместе с Космонавтом-5 Валерием Быковским — первая женщина-космонавт — Вали Терешкова.

Как готовился этот легендарный полет, чем жили, о чем думали жители Звездного городка? Обо всем этом рассказывает в своем дневнике летчик-космонавт К.

Отрывки из дневника летчика-космонавта К. мы публиковали в № 7 «Смены». По просьбе наших читателей мы продолжаем с некоторыми сокращениями публикацию дневника, представленного «Сменой» редакцией журнала «Авиация и космонавтика».

ДНЕВНИК КОСМОНАВТА К.

15 МАРТА

Не каждый день выберешь время, чтобы написать страничку-другую. Дел по горло, и все надо успеть.

Недавно мы отмечали событие в семье Андрушиного дублера. Шутка ли, его маленькая Валуша подарила «Дублеру» первенца. Сбылась мечта наших молодоженов — у них родился сын.

Весь день сияющие мать и отец принимали бесчисленные поздравления и подарки. Счастливым отец был на седьмом небе (ведь он космонавт!) и весело подтрунивал над своими женатыми друзьями.

Получилось у него очень здорово: у Юрия — две дочери, у Паши — тоже дочка, даже некоторые наши преподаватели растят только дочек.

Задор «Дублера» объяснялся очень просто. Еще задолго до отъезда Вали в родильный дом ребята говорили:

— Жди дочку. Статистика работает не на тебя. Даже газеты пишут, что в Союзе рождается больше девочек.

Будущий папа отшучивался. Он очень хотел сына. Об этом потом нам рассказала по секрету его жена.

А сколько шуму было, когда решали, какое имя дать будущему космонавту. Предлагали: Константин — в честь Циолковского, и имена нашей звездной четверки, и множество других. Но Вали настояла на своем — сын будет носить имя отца.

20 МАРТА

Один из товарищей рассказал любопытные вещи. Летом во время отпусков друзья затащили его на Арагац.

Арагац — станция космических лучей. Это высоко в горах, отметка — 3250. Люди поднимаются сюда, на Арагац, дабы посмотреть, как незримое и неслышное становится ясным. Здесь физическая лаборатория. Раздумывая над всем, что нам рассказывал летчик-космонавт С., я попытался представить себе, что я знаю о космических лучах. Они прибывают на Землю после долгого и однообразного путешествия через пустынное безмолвие мирового пространства. Очевидно, Земля не цель их странствий. Земля, пожалуй, — только одно из небесных тел, лежащих на их пути. Они бороздят Вселенную во всех направлениях, и нелепо было бы думать, что где-то существует единственный источник их происхождения.

Более того. Мне кажется, «лучи» — даже не очень точное название. Обычно с этим словом связывают представление о чем-то направленном, а мы знаем, что космические лучи — это потоки частиц материи, пронизывающих земную атмосферу со всех сторон. От солнечного света можно укрыться в тени. Такая тень — ночь, всегда охватывающая половину земного шара. В этом смысле от космических лучей спрятаться нелегко, как в океане не уйти от воды. Лучи — тот космический мировой океан разреженного вещества, сквозь бури и метели которого плывет наша планета Земля.

14 АПРЕЛЯ

Отпраздновали День космонавтики — славный день нашего советского календаря. Подумать только — это вторая годовщина полета Юрия И сно-

ва началась будничная работа. Сейчас тренировки стали еще сложнее. Усовершенствованная техника предъявляет повышенные требования. И это естественно. Каждый новый полет — новое достижение. Мы знаем, да и весь ритм нашей стремительной жизни, ее, так сказать, спидометр, подтверждает, что придет время, когда наши звездные корабли вырвутся за пределы ближнего космоса. Они полетят на Луну, может быть, на Марс или Венеру.

Мечта? Пусть будет мечта. Ведь именно она открывает нам путь в будущее. Когда задумаешься над этим будущим, часто приходит мысль, что в дальних полетах будет участвовать не один человек. Выражаясь нашим, авиационным, языком, в космос отправится целый экипаж: космонавт-пилот, космонавт-штурман, космонавт-бортинженер и т. д.

Но дело не только в специалистах. Они могут быть и не совсем такими. Важно другое. Подобрать настоящий экипаж — задача очень сложная. В самом деле, такой подбор не может не учитывать не только физические, но и психологические особенности каждого члена космического экипажа, но и, как у нас говорят, «совместимость» людей. Ведь им, отрезанным от Земли, от всего мира, придется провести вместе долгие и очень напряженные дни. А главное — выполнить сложное задание такого полета можно только усилиями всех, кто будет находиться на борту корабля, когда без лишних слов, порой по одному взгляду чувствуешь и угадываешь намерения товарища, понимаешь, чего он ждет от тебя в данный момент.

Сегодня на занятиях в спортзале играли в волейбол. Игра была к тому же и календарной. Я сидел на скамейке запасных и, наблюдая за ребятами, невольно размышлял о проблеме многоместного космического корабля.

С кем бы я хотел попасть в один экипаж? Мысленно рисовал различные ситуации полета и старался представить себя среди товарищей. Придирчиво, даже, пожалуй, чересчур, я проводил «отсев», упорно стараясь найти ответ на мучивший меня вопрос: ну, кто же, кто оказался бы самым надежным, самым верным, самым, если так можно сказать, желанным?

Но... Не нашел я ответа. Запутался. Ну разве можно делить наших хлопцев на «подходящих» и «неподходящих»? Вздор! Готов лететь с каждым и со всеми вместе хоть на другую солнечную систему.

Я иногда смотрю на себя как бы со стороны и думаю: вот этому научил меня Юра, тому-то — Герман. Вдумчивости и хладнокровию я учился у Андрияна. Кстати, этими качествами обладают и космонавты, готовящиеся к новым полетам. Четкость в работе, самодисциплина, взаимовыручка... Да разве перечислишь все хорошее, что есть у наших ребят и что они со всей щедростью своего сердца готовы отдать другу!

Сколько полезных советов давали нам те, кто первый испытал гнетущую тишину и другие специфические особенности сурдокамеры, кто испробовал на себе жар и холод термокамеры, кратковременную, но загадочную и необычную невесомость на борту специального самолета. И все это делали просто, без лишних слов, как обычно поступают товарищи.

Космонавтика любит точность. Иначе нельзя. Ученые подсчитали, что для встречи двух космических тел точность должна быть буквально ювелирной. Например, запуская снаряд на Луну, надо учитывать, что встреча произой-

дет в какой-то определенной точке, куда снаряд и Луна должны прийти через строго расчетное время. Это гораздо сложнее, чем с борта сверхзвукового истребителя попасть в скоростную цель. Ведь до Луны почти четыреста тысяч километров!

На одном из занятий мы прикидывали: если ошибка в скорости полета последней ступени ракеты, которую она разовьет к моменту выключения двигателей, составит всего лишь одну сотую долю процента, траектория полета ракеты отклонится от расчетной на 250 километров; если старт задержится хотя бы на 10 секунд, расчетная точка встречи на поверхности Луны сместится на 200 километров. Вот что такое секундная точность пуска!

Точность нужна во всем. Вот мы и решили приучить себя к точности и организованности даже в мелочах. Опоздания не только в строй или на занятия, но и просто на встречу с друзьями у нас не допускаются. Прострафишься, заставишь товарищей ждать себя — получай наказание. Оно у нас хоть и не очень строгое, но не из приятных. Но опоздавших теперь не бывает.

15 АПРЕЛЯ

Вчера мы тренировались в сложных условиях полета. И когда я сегодня перебираю в памяти все наши тренировки, мысли начинают разбегаться в самых неожиданных направлениях. Пытаюсь их собрать воедино, я часто задаю себе вопрос: что же было самым трудным в наших тренировках?

Может быть, бешеное вращение центрифуги, когда на тебя наваливается с трудом преодолеваемая сила перегрузок, глаза заволакивает туманом, а кровь пульсирует в висках? Или изнуряющая жара термобака, когда, обливаясь языком пересохшие губы, чувствуешь всю соленость своего пота? Или тягостное одиночество первого пребывания в камере тишины? Вспоминая пройденное, я останавливаюсь на том, что самым трудным для меня был, пожалуй, первый приход в сурдокамеру. Перегрузки приходилось испытывать и на истребителях. Когда ведешь в зоне учебный воздушный бой и, выходя из атаки, стараешься не дать напарнику зайти в хвост, приходится складывать такие выражения, что, кажется, тонны вдавливают тебя в кресло.

«Сурдо...» — слово нерусское. В переводе с латинского оно означает немой, глухой, тихий... Мне раньше приходилось читать, что врачи уже давно приспособили тишину для своих целей. С ее помощью они ведут борьбу с болезнями сердца, нервов и другими недугами. Тишина — хороший помощник в их деле. Но для нас...

Все мы привыкли к определенным звукам: шуму на улицах городов, передаче радио, разговору окружающих, специфическому шуму рабочих помещений, лекционных аудиторий. А тут попадаешь в мир сплошной тишины. Ни звука, ни шороха, если не считать своих шагов, скрипа кресла и шелеста страниц читаемой книги.

И вот сейчас, раздумывая над всем этим, я как бы снова переживаю тишину сурдокамеры.

Тишина. Она заползает в каждый угол небольшой комнаты и как бы следит за тобой, подкарауливает, ждет. Становится даже как-то жутко.

Мне приходилось читать, да и наши врачи рассказывали, что многие американские кандидаты в космонавты не выдерживали этого испытания. Был случай, когда уже через сутки одиночества один из них начал проявлять какое-то странное беспокойство, а на вторые разбужился.

Никто из первых испытателей американских летчиков на земле не выдерживал более 44 часов в капсуле, где ограничивалось всякое чувствование. В полной изоляции, когда звуки, свет и другие раздражители не действовали на человека, он обнаруживал смелость, изменчивость эмоционального состояния, порой крайнюю нервозность. Известны и более серьезные нарушения психики.

Наших ребят не сломил сурдокамера. Андриян, Герман, Павел и другие чувствовали там себя прекрасно. Прошел через это «чистилище» и я. Но, если говорить откровенно, был момент, когда сердце екнуло.

Это случилось на третий или четвертый день после того, как за мной закрыли тяжелые, толстые двери камеры. Я окунулся в мир тишины. За стенами непрерывно работали самописцы. И вот сработала сигнализация. Что-то щелкнуло. Сноп ярко-красного света ударил в глаза. Пронзительная сирена рванула тишину. Потом все стихло, будто ничего и не произошло.

Врачи тогда дали хорошую оценку моему пребыванию в сурдокамере. Но первые доли секунды, когда в ставшую уже привычной тишину неожиданно врываются резкие звуки, честно скажу, трудные секунды. Зато какими приятными и мелодичными кажутся шум качающихся сосен, монотонное шуршание дождя, голоса знакомых, когда выходишь из этого мира тишины!

24 АПРЕЛЯ

Утром в нашей столовой шел интересный разговор. Один из «очередников» говорил о космических обедах. Все сводилось к тому, кто и как снабдит пищей астронавта, летящего, скажем, на Марс. Мы не пришли к единому мнению, будут ли этот вопрос решать химики или биологи. Сейчас действительно сказать трудно.

Но вот интересный расчет годовой потребности каждого члена экипажа межпланетной ракеты: 766,5 килограмма воды (это семь здоровых бочек!), 313,9 килограмма кислорода и 296 килограммов органических веществ.

Любопытные цифры получаются, если сделать посуточную раскладку. Оказывается, для среднего человека весом 70 килограммов требуется химических элементов: кислорода — 3 150 граммов, включая дыхание; углерода — 930 граммов; водорода — 290 граммов, включая дыхание; азота — 4,5 грамма; фосфора — 1,5 грамма; калия, натрия, хлора и серы — примерно по грамму. На остальные необходимые элементы — марганец, железо, медь, йод, магний — приходится в общей сложности меньше одного грамма.

Откуда он вычитал все это?

Ребята слушали с большим вниманием. Все это, конечно, очень интересно. Оказывается, и тыква может быть полезна в космических рейсах. Три с половиной метра живых листьев тыквы полностью обеспечивают кислородом одного человека.

26 АПРЕЛЯ

Уже несколько дней тренируемся в невесомости. Невесомость, пожалуй, уже перестала быть сплошной загадкой.

Тренировочные полеты на невесомость стали привычными и, я бы даже сказал, желанными: интересно и необычно. Особенно переход от нормального состояния к невесомости. Сначала сидишь на полу «бассейна», ощущая силу своего веса, потом вдруг между тобой и полом образуется пространство. Чуть оттолкнулся — и поплыл.

Порой бытует мнение, да и я сам раньше так думал, что это парение с отталкиванием от воздуха аналогично обычному плаванию в воде.

В принципе это так. Но есть и разница. Она в пути разгона. Ученые подсчитали, что для человека, плавающего в невесомости, этот путь в восемьсот (800!) раз длиннее. Объясняется это просто: плотность воздуха в такое число раз меньше плотности воды. Плавание в невесомости медленнее. На одном метре пути космонавт развивает скорость, равную 2—3 сантиметрам в секунду.

После полета Паша рассказывал об интересном поведении жидкости, налитой в сосуд. По этому поводу ему задавали много вопросов на пресс-конференции.

Журналистов интересует все, но иногда они задают такие вопросы, — хоть стой, хоть падай.

Мне припомнился случай, когда одного из наших ребят спросили, где находится ракета с двумя космонавтами, которую Советский Союз год назад запустил якобы в сторону Солнца.

Когда поинтересовались: откуда такой бред? — спрашивающий сослался на американскую газету.

У Андрияна однажды спросили: «Возможен ли полет советской женщины в космос?»

Мне очень понравился его ответ:

— В нашей стране есть немало женщин, которые отлично владеют профессией летчика. В годы прошедшей войны они проявляли невиданный героизм, сражаясь в воздухе за свободу и независимость своей Родины. Женщины — врачи, ученые, капитаны морских кораблей, члены правительства... В Советском Союзе это не только возможно, это существует уже сорок пять лет.

И вдруг он сам спросил:

— Ну, вот теперь вы ответьте мне, могут ли советские женщины полететь в космос?

Затем Андриян привел слова, сказанные Н. С. Хрущевым: «Семья космонавтов в будущем пополнится и дочерьми народов нашего многонационального государства».

5 МАЯ

Этот день был по-настоящему весенним. Первомайские праздники позади. Все собралось в наш Звездный городок. Воскресенье. Сегодня никто нигде не поехал. У нас в лесу чудесно...

Юра принес телеграмму.

«Москва, Звездный городок. Стенгазете «Нептун» (это наш боевой сатирический орган). Поздравляем праздничной печатью. Вечной остроты нептуновскому перу. Желаем быть на космической высоте. Земляне».

Вспомнили веселые и остроумные шаржи, колкие шутки, рассказы в картинках. Наш «Нептун» не бездействует. Держись, если попадешь на его виллы!

Потом, как часто это бывает, разговор перешел в профессиональное русло. Заговорили о кораблях и их создателях.

Трудно найти слова, чтобы воспеть наши корабли. Они замечательные. Да и люди, у которых родилась конструкторская мысль, которые воплотили эту мысль, как говорят, в металле, тоже замечательные.

Несколько раз мы встречались с Главным Конструктором космических кораблей. И он бывал в нашем Звездном городке. Нам приходилось его видеть в различной обстановке. Внешне он очень прост, довольно крепко сложен. Он не молод, но лицо молодое, приятное, русское. Глаза он слегка прищуривает. Он может показаться очень спокойным. Но так бывает только в те короткие часы, когда дело не касается работы. Наблюдая за ним на космодроме или за просмотром чертежей, в цехе или на заседании Государственной комиссии, этого не скажешь. Главный Конструктор до мельчайших деталей знает дело, умеет все подмечать, быстро и правильно оценивать обстановку. У него масса идей, интересных и поражающих нас, новичков космонавтики, своей грандиозностью.

Как-то мы его попросили, и он кое-что рассказал о себе. Оказалось, что он тоже из авиационного гнезда вылетел, четверть века авиации отдал, да и сейчас с ней не расстается.

Вот так, заряженные Главным Конструктором, мы обычно продолжаем этот разговор между собой. Часто просто фантазируем.

Трудно представить уровень развития космической науки через 20, 30, 40 лет. Старается представить, какими станут космические трассы в ближайшие десятилетия. В солнечной системе появятся крупные автоматические станции-спутники, наблюдательные пункты на планетах, обитаемые искусственные планеты. Наша Земля станет столицей солнечной системы. Она будет связана незримыми нитями не только с окружающим ее миром солнца, но и с далекими космическими цивилизациями.

Фантазия? Нет, уже не фантазия. На пыльных тропинках далеких планет обязательно останутся наши следы.

9 МАЯ

Сегодня День Победы... Над Москвой гремит праздничный салют, и множество разноцветных огоньков вспыхивает в темном небе. Сажу за столом, держу в руке ручку, а мысли собрать не могу... Война. Она закончилась восемнадцать лет назад. Кажется, что это было давно. А может быть, и нет!

Когда говорят, что человек прожил большую жизнь, мысленно представляют себе годы труда и борьбы, радость побед и горечь неудач, высокую пору творческого вдохновения, глубину мыслей и зоркий взгляд много повидавших глаз.

Мы молоды, большинству из нас не приходилось делиться последней коркой хлеба, видеть кровь убитых женщин, растерзанных детей, трупы на опустевших улицах городов. Но кто смеет утверждать, что минувшая война ожесточила сердца нашего народа, а потому сейчас можно встретить холодных эгоистов? Нет и еще раз нет! Люди, прошедшие суровую школу испытаний, стали чище, отзывчивее.

11 МАЯ

Случай... В жизни бывают разные случаи, и у каждого из них своя причина. Поразмыслишь вот так, и раскрывается перед тобой человек.

...Одному из наших героев космоса потребовалось отправить в город Л. родственницу — сестру жены или что-то в этом роде. Приехал он на вокзал не в мундире со всеми регалиями, а в штатском костюме. Заходит в зал и по привычке направляется к военному коменданту.

— Так и так — помогите, пожалуйста, с билетом.

— Мы обслуживаем только военных.

— Честное слово, я военный.

— Документы.

Полез наш друг в карман, но передумал — не захотел называться (сразу же оговорюсь, что ему вообще повезло: он не похож на свои портреты).

Пошел космонавт к «гражданским» кассам. Посоветовали ему стать в какую-то очередь. Выстоял он ее терпеливо, оказалось, не та касса. Пошел к другому окошечку, еще постоял, но опять безрезультатно. В этом окошечке давали билеты только «туда и обратно». Так и ходил он от кассы к кассе, а время шло, и надо было возвращаться в городок.

Решил рискнуть и заглянуть к дежурному по вокзалу. Здесь состоялся не очень приятный, хотя и порячий разговор. Окончился он эпическим: «Много вас тут таких ходит».

Вот и почувствовал наш герой впервые себя бессильным. Космос одолев, а билет на поезд достать не смог. Помочь взялся другой наш товарищ. Он должен был возвращаться несколько позднее и взялся выстоять еще одну очередь.

Когда он вернулся с билетом, поведал нам эту историю и добавил: — Взял билет, отсчитал положенную сумму и говорю: «А ведь час назад был у вас летчик-космонавт. Понадобилась ему ваша срочная помощь, но...»

И они аспошлились: «Да как же так? Да что же он не назвался? Мы бы... Боже ж ты мой — сам герой космоса был!»

А разве в этом дело?

17 МАЯ

Сегодня, когда ехали в академию, я спросил Пашу, что такое мечта. Наш разговор подслушал вездесущий Космонавт-5 и со вздохом: опять, мол, философствуете — вдруг высказал интересную мысль. Он сказал, что мечта — это то, что быстрее всего стареет.

Размышляя над этим, я все больше убеждаюсь, что он, пожалуй, прав. Взять наше время. Сейчас даже трудно мечтать. Даже робкий взгляд в будущее требует от человека солидных познаний. Лучший пример, разумеется, космос. У Генриха Гейне в дневниках есть такая запись: «...Земля, это скала, к которой навеки прикован страдающий Прометей — все человечество».

Много чудес видела наша планета. Книги сохранили до наших дней рассказы о победах человеческого разума над таинственными силами природы. Часто с гордостью я думаю о том, что человек все-таки удивительное создание природы. А взятъ нашего, советского человека. Силы его рук, мощь его мысли мне представляются поистине сказочными. Укажите цель, задачу, проблему, осуществление которых является несбыточной мечтой. Не сможете!

«Высшая цель партии — построить коммунистическое общество». Это свершится! Мы, молодежь, верим в партию, в неисчерпаемые силы своего народа и будем преданно служить ей, настойчиво бороться за осуществление идей, провозглашенных Лениным. Да, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Ну, а наша профессия? Полеты советских людей в космос — это символ того нового, чудесного и смелого, что несет коммунистическое общество.

21 МАЯ

Снова поздно вернулся домой. Зашел по пути к Андрияну, и заболтался. В его квартире тот милый беспорядок, который царит в жилищах холостяков. На столе, на подоконниках и даже на полу лежали книги. Андрияш протянул мне томик в коричневом переплете. Прочитал: «К. Э. Циолковский. Избранные труды».

Андриян купил сборник в Москве и с нескрываемой гордостью заметил, что это — последнее академическое издание. Он, как и Герман, книголюб, собирать книги — его страсть, все шкафы набил ими. Заговорили о работах Циолковского, чрезвычайно интересных и увлекательных. Где книги, там всегда есть о чем поговорить. Вот и заболтались. Сейчас сажу и раздумываю над тем, о чем шел спор...

Но не могу согласиться с теми, кто утверждает, будто уже сейчас можно лететь человеку на Луну. Андриян и Герман меня поддерживают. Нам кажется, что здесь нельзя горячиться, и после четырех полетов наших лунников еще много будет пристрелочных полетов автоматических станций, включая аппараты, которые с приборами совершат не одну посадку на «ночное светило». И лишь после того как мы будем больше знать о Луне, туда сначала будут направлены животные, а потом и человек.

Наш разговор зашел довольно далеко. Мы фантазировали о лунных садах. Впрочем, может быть, это и не фантазия. Вспомнили мысль К. Э. Циолковского, высказанную им в повести «Вне Земли». По его проекту позади космического корабля находилась оранжерея — своеобразный ботанический сад, который снабжал космонавтов фруктами и другими растительными продуктами.

Правильно ли это соображение Циолковского сегодня? — спрашивали мы себя. И тут же отвечали: для обычных космических полетов, пожалуй, нет. Хотя наземные растения и дают кислорода больше, чем хлорелла, они пока не могут соперничать с ней из-за своей объемности.

Известно, что уже сейчас изготавливаются специальные палатки, в которых поддерживается строго определенный процент кислорода. Человек может ежедневно некоторое время находиться в палатке. Все это хорошо и более удобно, чем кислородные подушки или мешки, но в ней надо лежать и соблюдать определенный режим.

А если идти за мыслью ученого дальше... Представим себе фруктовый сад с яблонями и грушами, с аллеями, обрамленными кустарником. Сад создан в герметическом, замкнутом помещении, и ни одна молекула другого мира не проникает внутрь. Зеленые листья выделяют кислород, и можно создать любую его концентрацию. Значение таких садов очень велико, и в межпланетных космических кораблях они могут стать их обязательной принадлежностью.

Но это в полете. Как быть тогда, когда, допустим, люди прилетели на Луну? На первое время у них еще будут запасы кислорода и продовольствия, захваченные с Земли. А потом? Вот здесь-то и нужно беспокоиться о культивации растений. Ведь человек прилетит на Луну не из-за праздного любопытства, а ради преобразования ее мертвого мира. Он вырастит лунные сады, раскроет тайны нашего спутника. Затем Марс, Венера, Юпитер, дорога к дальним звездам...

Пройдут годы, и человек грядущего уже не удивится, узнав, что в районе Марса работает астрономическая обсерватория, что по маршруту Земля — Луна за месяц перевозятся сотни тысяч пассажиров, что самый лучший санаторий находится на внеземной станции...

23 МАЯ

Часто нас спрашивают, какой вид спорта более всего сопутствует тренировке космонавтов.

Наши хлопцы любят спорт. Спортивный зал и летние открытые площадки не пустуют. Любят ребята и наблюдать за интересными состязаниями: они задлые болельщики. Когда играют футболисты киевского «Динамо», Пашу от телевизора не оторвешь.

Естественно, что каждый спортсмен любит свой вид спорта и считает его самым увлекательным и полезным. Теннисисты, например, считают, что для отработки реакции нужно заниматься именно теннисом. Но им возражают альпинисты. И в их утверждениях есть логика. Альпинизм воспитывает мужество, развивает глазомер, высокую точность координации движений, чувство равновесия. Кроме того, альпинисты, совершая восхождение на высоты, довольствуются небольшим количеством кислорода в разреженной атмосфере и не теряют при этом работоспособности.

Этот спорт, как и полеты на сверхзвуковых самолетах, требует постоянного сохранения критической оценки своих действий, умения длительно выдерживать значительные физические и нервно-психические напряжения. Однако наша космическая профессия настолько еще молода, что пока довольно трудно определить все «от» и «до», которым должен удовлетворять космонавт.

Ясно одно: для космонавта важно не просто спортивное достижение — прыжок в космос, а решение научных задач, познание закономерностей космического пространства.

...Полгода назад я написал первую страничку своего дневника. Сейчас мы готовимся к новому полету. Готовимся всей группой. Такова традиция: за большое дело беремся сообща. Все вместе мы готовили в полет Юру, потом Германа, затем сразу двоих — Андрияна и Павла. И теперь снова объединяем свои усилия. Полет пройдет успешно — это ясно. Неясно пока, кто полетит. Кого назначат командирами новых космических кораблей?

В нашей группе все хорошо подготовлены. Любого пошл — выполнит задание партии и народа. И каждый из нас верит: придет день, и он обязательно полетит, и не просто так, а захватив с собой в далекий космос все земное, все, чем мы жили это время.

25 МАЯ

Сегодня необычный день. Утром у подъезда учебного корпуса собрались наши ребята — коммунисты, командиры, преподаватели, врачи. У всех приподнятое, торжественное настроение. Мы пришли на партийное собрание — традиционное собрание наших коммунистов перед отъездом на старт.

Такое собрание было накануне полета Юрия Гагарина, собрались мы и перед другими стартами, когда провожали на космодром Германа, Андрияна и Павла. И вот снова...

Первым выступил Юра. Он как командир доложил о готовности двух экипажей — мужского и женского — к предстоящему полету, коротко рассказал о проделанной работе, пожелал успешной посадки тем, кто отправится в очередной рейс к звездам.

Потом дружеские напутствия давали Попович, Титов, Николаев, наш командир — боевой и прославленный генерал — врачи, преподаватели. Каждый из них говорил о своем, но всех объединяло одно — твердая уверенность в том, что и это новое задание партии и правительства будет выполнено с честью.

Андриян и Герман вспомнили свои полеты, еще раз дали советы, желали благополучия и успеха.

Потом выступил наш очердник — Космонавт-5. Хорошо он сказал. Молодец!

— Так уж повелось, что, отправляясь на задание, мы даем клятву верности, долга, клятву сердца. В космосе побывали четверо моих друзей, четверо коммунистов. Они с честью выполнили задание нашей партии. Я комсомолец. Ленинский комсомолец — подданный партии. И если мне доверят совершить этот полет, я сделаю все, чтобы выполнить его, как подобает коммунисту.

За ним к трибуне подошла наша Валя — первая девушка, которая полетит в далекий и суровый космос. Просто и очень здорово сказала она о своих чувствах и мыслях. Счастливого вам полета, ребята! Мы с нетерпением будем ждать вас на родной земле.

Щащ на конфликти

Это было в горячие дни целинного сева... Неугомимый «газик» с визитной карточкой «Молодого целинника» на ветровом стекле мотался по жарким степным дорогам. И на заднем сиденье машины покачивался Ваня Свитиш — художник краевой комсомольской газеты. А когда «газик» останавливался, Иван раскрывал альбом, и степь, лишенная, казалось бы, красок, вдруг начинала играть на ватмане всеми цветами радуги... Степь и ее покорители — любимая тема молодого художника Ивана Свитиша. Это и есть его целина.

Юморист, футболист, тракторист... Рифма, конечно, не выдающаяся, но зато парень великолепный!

Рыжий юморист

Этот день был наполнен ревом мотоцикла. Мы мотались с Васей Миговичем по совхозу — из отделения в отделение, от агрегата к агрегату. Мы глотали едкую пыль, ругали последними словами идущие впереди грузовики, обгоняли их и снова мотались по полям. Шел сев. Васе нужно было везде побывать, нужно было вжиться в бешеный ритм этого майского дня, который, если верить пословице, год кормит.

И мы, в общем, вживались. Только где-то после полудня наш мотоцикл замолк у столовой пятого отделения. Мы, чумазы и голодные, молча ринулись за стол, но тут же были выведены из-за него веселой поварихой Валей.

— Идите руки мыть, космонавты! — сказала она, а рыжий тракторист, уминавший за соседним столом огромную краюху хлеба, засмеялся:

— Ты им, Валя, мочалку дай, чтобы им два часа не скрестись. А то я, Валя, спешу и хочу, раз

вышла такая встреча, побеседовать с Васькой Миговичем...

Васька устало хмыкнул:

— Опять душу вынуть будет!

«Вынашивание души» началось, как только мы сели за стол. Рыжий парень залпом проглотил стакан простокваши и торжественно заговорил:

— Слышь, прожектор, по-моему, я вполне созрел для того, чтобы попасть под твой мощный луч. Направь его на меня, пожалуйста. На меня и на мою острую нужду в здоровом и культурном отдыхе. Учти, прожектор, я вкалываю, как Николай Мамай, а футбольного мяча у меня нет. И сетки нет. И ничего у меня в разрезе физикультуры и спорта нет. Если хочешь быть здоровым, прожектор, надо закаляться! А я хочу быть здоровым. Как ты на это смотришь?

Вася Мигович иронически посмотрел на рыжего юмориста и спросил:

— Ты с Ирой разговаривал?

— Это с Горбач? Не-е-е... А ее что, капитаном футбольной команды назначили?

— Пока еще нет. Речь о другом. Ты знаешь, как Ира добыла деньги на музыкальный инвентарь? Так вот — путем проведения воскресников. Так вот у Иры, дорогой товарищ, еще рублей шестьдесят осталось. Сбегай к ней. Может, она тебе эти деньги подарит на память. А скорее всего не подарит. Скорее всего ты у нее получишь бесплатный совет по части сбора и реализации металлолома. Это называется обмен опытом.

— Ладно, прожектор. Усвоил. А транспортом поможешь? Мы тогда тут все подчимиз, ржавого гвоздя не найдешь!

— Ну, это уже другой разговор, чемпион. Транспортом поможем...

И Вася Мигович пошел к мотоциклу, я уселся у него за спиной, и снова гонка от агрегата к агрегату: шел сев, и нам никак нельзя было выбиваться из его ритма.

Девяносто гектаров равнодушия

Володю Анщца, комсорга пятого отделения, мы долго не могли найти и совсем уже собрались уезжать, как вдруг на дороге показалась бричка.

— Никита Иваныч, Анщца не видали?!

— Как же, видал. На почте он...

— Слушай, посиди-ка ты тут, — это Мигович уже мне говорит, — а я смотаюсь за Володькой. Раздва — и назад... Или знаешь что, потолкуй пока с Никитой Иванычем. Это управляющий отделением.

Я зашел к Ярошенко. Он посмотрел на меня с явным интересом и спросил:

— Васька-то опять, наверное, бракодела выловил? Не выловил, говорите? Ну-ну... Значит, нет бракоделов. А то бы Васька с них шкуру спустил. Слыхали, наверно, про Александра Ходановича, агронома нашего?

Я не слышал.

— Было у нас бракодельство, было. Хлопцы сеять начали. А селяки им старые достались. Такие селяки, что их труднее отремонтировать, чем часы. И, конечно, насчет нормы высева на этих агрегатах дело плохо. А Ходанович крутил свой мотоцикл. И докрутился до того, что девяносто гектаров пришлось пересевать. Васька как обнаружил это дело — аж побелел: агроном, и такое допустил! Нарисовали агронома и по всем отде-

лениям развесили. Потом Васька говорит: «Ходанович здороваться перестал». А я думаю так: пообижается агроном, пообижается и поймет, что прав все-таки Мигович был. Дело есть дело.

Старик оказался интересным, и говорить с ним было одно удовольствие. Но тут под окном затрещал мотоцикл, и я вышел на улицу.

— Знакомся. Это Володя Анщца. Комсорг, прожектор, киномеханик.

Володя был сердит. Василий тоже: ему бы сейчас громы и молнии, и он метал бы их, не взглянув на лица.

— Христофоров негодяй! Тринадцать центнеров зерна спер. Я его, гада, так раскручу, что он до пенсии плакать будет.

— А после выхода на пенсию?

— Тоже! — жестко отрезал Василий. — Ладно, ты меня извини. Не до шуток. Звонил уже я куда надо. Сейчас возьмут его. А тут еще Васька Сурнайбаев напился — четвертый час агрегат стоит. В общем, Володя, включаем прожектор — и никакой пощады!

...И снова я за спиной у Василия. И снова нас швыряет с одного уха на другой. Я кричу ему прямо в ухо:

— Слушай, Вася, а может, ты в самом деле перегнул с агрономом? Не может же он везде поспеть! Живой человек.

— Все мы люди. А ты знаешь, что значит пересечь девяносто гектаров? Это все равно, что три агрегата целый день простояли. Понял? Целый день! Тот самый, который год кормит... Девяносто гектаров равнодушия — вот что это такое! Ты у Володьки бы спросил. Я вот спрашивал. Молчит, потому что от злости говорить не может. Это ты понимаешь?

Это я понимал.

Понимал, потому что знал и Володю, и Толю Колпакова, и Тамила Ермоленко, и Веру Ходорощко — «прожектористов», ребят, одержимых идеей железного порядка на всех без исключения участках работы.

Я понимал это. И вопреки всем правилам движения хлопнул главного совхозного «прожекториста» Васю Миговича по плечу, и мы помчались дальше — навстречу дороге...

Без оглядки на чин

О завтрашнем порядке надо заботиться сегодня. О сегодняшнем порядке надо было заботиться вчера. Это элементарно: хороший хозяин сами готовят летом.

Когда Вася Мигович сел за пульт управления «комсомольскими прожекторами» в «Краснопартизанском», это не было для него очередной «нагрузкой». Это был груз, который не сдвинуть в одиночку. Надо было сколотить вокруг себя ребят. Надо было с ходу брать за дело. Короче говоря, надо было заявить о своем существовании во весь голос.

И «прожектористы» заявили. Во время уборки. В те трудные и радостные дни, когда «сеятель пожинает плоды трудов своих».

В эти дни главный инженер совхоза вдруг воспылал страстью к своему огороду. Воспылал, насколько не заботясь о том, что обстановка требовала от него быть буквально вездесущим.

«Комсомольский прожектор» взял под обстрел главного инженера. Вася пошел на это, хотя глав-

Ребята победили, и в столовой на отделении стало тихо-тихо. А повараха о чем-то задумалась...

ный инженер в совхозе — фигура видная. Впрочем, именно эта «видность» и подсказала Васе, что отступать тут нельзя: раз главный окопался в своем огороде, то и любой рабочий может сделать то же самое. Он попросту отмахнется от «прожектора»:

«Меня, значит, под луч, а главного, значит, побоялся?»

И будет прав.

И Мигович принимает решение: «Иду на конфликт!»

Именно на конфликт, а не склоку. Именно на конфликт, а не шумливую трескотню. Именно на конфликт с серьезными выводами, с доведением дела до положительных результатов, до «исправления имеющихся недостатков».

Одно из отделений совхоза жестоко страдало от нехватки воды. Пробырили на отделении скважину, оборудовали ее как следует, не доставало только электромотора. Его нужно было установить и подключить. Но инженер-электрик не топорился. Инженер-электрик был спокоен, поскольку он лично в этой скважине не нуждался.

И «прожектористы» «сели» на электрика и не слезали до тех пор, пока вода не пошла к людям...

И опять конфликт. И опять сложные отношения «с лицом, подвергшимся критике». И опять первый шаг навстречу этому самому лицу...

«Еще издали заметили мы группу людей, присевших у обочины дороги. Василий притормозил мотоцикл, и один из ребят поднялся нам навстречу — запыленный, весь в мазуте, усталый и какой-то очень светлый».

— Ну, Вася, все. Отсеялся!

И Вася крепко пожал протянутую ему руку. А когда мотоцикл снова стал наматывать на колеса дорогу, Вася крикнул мне:

— Это знаешь кто? Это Кузьмин, инженер-электрик. Тот самый. Он на агрегат сел во время сева...

Сев — большое испытание для хлебороба. Из года в год повторяется это испытание, но год не

похож на год, и, наверное, поэтому каждый новый сев таит в себе не всегда приятные неожиданности. И, видимо, подготовка к этому испытанию в том и заключается, чтобы исключить такие неожиданности.

И если в «Краснопартизанском» весенняя страда прошла в общем хорошо, то это заслуга и «прожектористов». Они знали, что весна — это испытание. Они готовились к этому испытанию весь год. Они проверяли состояние техники и работу столовых, деятельность клубов и качество семян, готовность рабочих и расторопность руководителей.

Ребята готовились строго, не признавая мелочей, не оглядываясь на чины и ранги.

Из наступления в наступление

Мы съехали с Васей Миговичем почти весь совхоз. Мы останавливались у контор, в полях, на фермах и просто на дороге — останавливались везде, где были люди. И люди шли навстречу белобрысому парню в промасленных галифе и говорили:

— Вася, мяса в столовой нет и по такой жаре не будет. Нужно хотя бы на Центральной усадьбе холодильник наладить...

— Вася, с установкой насосов что-то заволяни-ли... А у нас овощи, их поливать надо...

— Вася, «буквинкой» сею, а «буквинка», сам знаешь, какая кукуруза: от горшка два вершка в условиях Кустанайщины. Нам бы «ВРП-42»!

— Вася, кино где? Месяц ничего не видели...

— Вася!..

— Ездил я в Москву, — рассказывает Вася, — на заседание Центрального штаба «комсомольского прожектора». Послушал я там, что люди говорили, и, кажется, понял главное: прожектор — это каждый день, прожектор — это в любом деле.

От кино до производительности труда. Правильно?

— Правильно, Вася!

И то правильно, что «прожектористы» у тебя — вся комсомолка. И то правильно, что дружинники у тебя — тоже «прожектористы». И то правильно, Вася, что, хотя и многое сделано, сделать предстоит еще больше: впереди уборка, потом новый сев, новая весна, а весна на весну не похожа, и каждой весной у нас — наступление.

Так и надо держать: из наступления в наступление. И пусть, если этого потребует наше большое общее дело, тебе всегда приходит на память твой собственный лозунг: «Иду на конфликт!»

Кустанайская обл.
Совхоз «Краснопартизанский».

Р. ХАРИТОНОВ

РАЙЦЕНТР

Загадочное слово — «будущее». И день другой, и век другой.

Я начинаю день от булочной
С ковригой хлеба под рукой.

А надо мной висят скворечники,
В них ночью птицы, звезды днем.

А палисадники и скверики
Под каждым плещутся окном.

Райцентр.
Не умер я от скуки,
Как врали, врали мне с душой,
Пугали, что в раймаге брюки
Еще с полметра шириной.

Пускай мне врут, не в брюках дело,
Пускай у брюк не тот фасон,
Пускай на танцах неумело
Танцуют девочки чарльстон,

Пускай еще здесь в чем-то трудно,
Пускай толкнут, не извиняясь,
Но начинается отсюда
С моей землей

прямая связь.

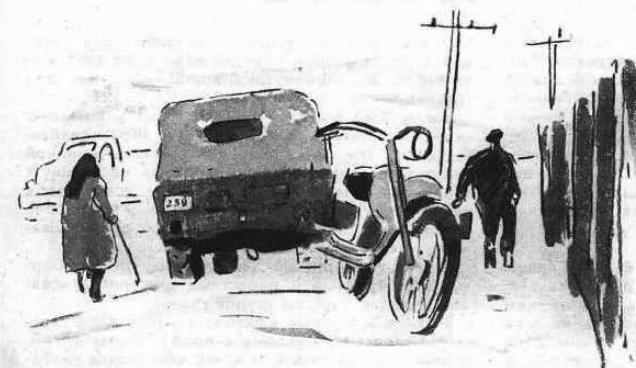
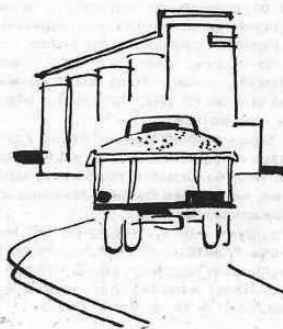
С землей, которая нас кормит,
Чьим хлебом сыты на Руси,
С землей, где руки, словно корни,
По локоть в землю проросли.

Когда земля руками понята,
Она зарей озарена,
Когда земля руками поднята,
Всего не вывезти зерна.

Стоит жара, как на экваторе,
А мне с машин зерно сыпать;
На россосанском элеваторе
За хлебом солнца не видать.
Зерно сыпаю —

так держаться!
Ведь мы пока еще должны
За хлеб для будущего драться,
А не за узкие штаны.

Загадочное слово — «будущее». И день другой, и век другой.
Я начинаю день от булочной
С ковригой хлеба под рукой.

Транспорт переводит дыхание...